

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192

Научная статья

УДК 327

doi:10.17323/1996-7845-2023-02-09

КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов¹

С.В. Кривохиж, Е.Д. Соболева

Кривохиж Светлана Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; Россия, 190068, Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123; skrivokhizh@hse.ru

Соболева Елена Дмитриевна – PhD, доцент кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; Россия, 190068, Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123; edsoboleva@hse.ru

Аннотация

Власть на международной арене предполагает не только обладание выдающимися материальными ресурсами, но и дискурсивной гегемонией, то есть способностью предлагать и популяризировать привлекательные идеи, ценности и нормы и контролировать дискурс. Ученые отмечают, что в период председательства Си Цзиньпина КНР включилась в борьбу за идеи и дискурс, что требует систематического изучения. Аналитической ценностью в исследованиях дискурсивной силы КНР обладает концепция стратегического нарратива, под которым понимается «совокупность взаимосвязанных историй, формирующих определенные образы прошлого, настоящего и будущего, предназначенных для управления восприятием целевых аудиторий и направленных на достижение стратегических целей». В статье систематизируется исследовательский инструментарий для анализа стратегических нарративов, обобщается опыт исследований стратегических нарративов в международных отношениях в целом и китайский кейс в частности, а также предлагаются направления для будущих исследований.

Основной посыл китайских нарративов заключается в том, что КНР является великой державой нового типа, которая сможет изменить существующую несправедливую и конфликтогенную мировую систему. Однако Китай не предлагает пересмотреть мировую систему коренным образом, речь все равно идет про деление мира на «великие державы» и всех остальных. В целом для стратегических нарративов КНР характерна дуальность, которая отражает комплексность внешнеполитических интересов Китая и попытку расширить «поле возможностей». При создании нарративов ключевую роль играют отсылки к истории: как к «веку унижений», так и к недавнему успешному опыту модернизации КНР. Содержание нарративов говорит о том, что в большей степени Китай пытается сделать ставку на развивающиеся страны Глобального Юга и таким образом сформировать свою группу последователей. При этом для всех этапов развития стратегических нарративов КНР – создание, распространение и восприятие – характерна вариативность. Изучение причин этой вариативности, как и анализ эффективности китайских нарративов, является перспективным направлением для будущих исследований.

---

¹ Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

Ключевые слова: стратегические нарративы, дискурсивная сила, дискурсивная гегемония, внешняя политика КНР, «Пояс и путь», дискурс

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00994, <https://rscf.ru/project/23-28-00994/>

Для цитирования: Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-02-09

Введение

Власть на международной арене предполагает не только обладание выдающимися материальными ресурсами, но и дискурсивной гегемонией, то есть способностью предлагать и популяризировать привлекательные идеи, ценности, нормы и контролировать дискурс [Ikenberry, Kupchan, 1990; Risse, 2011]. При продвижении идей ключевую роль играет стратегический нарратив или «совокупность взаимосвязанных историй, формирующих определенные образы прошлого, настоящего и будущего, предназначенные для управления восприятием целевых аудиторий и направленных на достижение стратегических целей» [Богданов, 2019, с. 174]. В долгосрочной перспективе стратегические нарративы влияют на аудиторию, ее интересы, идентичность и понимание того, как функционируют международные отношения в целом.

Ученые отмечают, что в период председательства Си Цзиньпина КНР включилась в борьбу за идеи и дискурс [Денисов, 2020]. В своих выступлениях Си Цзиньпин не раз говорил о необходимости создать и распространить китайские нарративы и концепты, чтобы донести до иностранной аудитории истинное положение дел в КНР и китайское видение международных отношений [Qiushi, 2021]. То есть стратегия наращивания «мягкой силы», которая преимущественно была направлена на создание привлекательного образа КНР, дополняется попытками нарастить дискурсивную силу [Yang, 2020]. КНР не только стремится изменить или адаптировать либеральные нормы, но и прилагает усилия для разработки и популяризации собственных идей, норм и стандартов [Денисов, 2020; Денисов, Зуенко, 2022].

Статья предлагает обратить внимание на изучение стратегических нарративов КНР, что является следующим логическим шагом в исследовании дискурсивной силы КНР и роли нарративов в международных отношениях. Такой подход предполагает, во-первых, смещение фокуса с анализа имиджа КНР или конкретных китайских идеологов на выявление более широких нарративов, которые предлагают новую трактовку международной системы, международных норм и места Китая в глобальной политике. Во-вторых, помимо исследования содержания нарративов, подход предполагает изучение других аспектов коммуникации: как КНР создает нарративы, как и где их распространяет, как на эти нарративы реагируют другие акторы международных отношений.

Возвышение КНР и дискурсивная гегемония

Изучение возвышения Китая, его влияния на будущее либерального порядка пользуется популярностью среди исследователей [Макарьчева и др., 2019]. Можно выделить следующие темы, которые привлекают внимание изучающих роль Китая в трансформации мирового порядка с точки зрения идей и дискурса.

Во-первых, значительная часть работ изучает позицию КНР относительно международных норм и институтов [Грачиков, Сюй, 2022], так как они являются опорой современной модели мироустройства. Например, позиция Китая в отношении институтов глобального управления, созданных западными государствами после Второй мировой войны в сфере экономики, и режима прав человека хорошо исследована [Yang, 2020; Kinzelbach, 2012].

Во-вторых, востребованным направлением является изучение «мягкой силы» и публичной дипломатии КНР. В этом корпусе исследований авторы зачастую пытаются охватить множество аспектов данного феномена от ресурсов и инструментов (например, деятельность Институтов Конфуция или использование тактики дипломатии «волков-воинов») до оценок эффективности стратегии «мягкой силы» КНР и препятствий, стоящих перед Пекином [Lee, 2016]. Однако дискурсивные практики и нарративы, за некоторым исключением, рассматриваются поверхностно.

Смежным направлением являются исследования дискурсивной силы КНР, в рамках которых авторы выявляют причины роста интереса КНР к дискурсивной силе и основные элементы этой китайской концепции (например, [Zhao, 2016; Денисов, Зуенко, 2022]), а также сравнивают ее с дискурсивной (нормативной) силой других акторов, например ЕС [Алексеенкова, 2020].

Наконец, исследования стратегических нарративов КНР также набирают популярность за рубежом. Они являются логическим следствием отмечаемого учеными интереса КНР к дискурсивной гегемонии. Специфика такого аналитического подхода состоит в смещении фокуса исследований с материальной мощи, которой обладает Китай, на идеи, которые он предлагает. При этом предлагается рассматривать эти идеи не как пассивно существующие, а как обладающие способностью менять поведение целевой аудитории и позволяющие Китаю достигать стратегических целей [Miskimmon, O'Loughlin, Roselle, 2013].

Стратегические нарративы: концептуальные основы

В последние пятнадцать лет значительное внимание исследователей международных отношений сфокусировалось на изучении нарративов, которые государства создают и продвигают на международной арене. Джеффри Робертс назвал этот процесс «нарративный поворот в международных отношениях» [Roberts, 2006]. В рамках данного подхода международные отношения рассматриваются через призму «соперничества нарративов», основная цель которого – обеспечить главенство предпочтительной для актора интерпретации реальности.

Роль стратегических нарративов в современных международных отношениях подробно рассмотрели Алистер Мискиммон, Бен О'Лоулин и Лаура Розелле. Они отмечают, что с помощью стратегических нарративов политические акторы «конструируют общее видение прошлого, настоящего и будущего международной политики, чтобы повлиять на поведение акторов национального и международного уровня» [Miskimmon, O'Loughlin, Roselle, 2013, p. 3]. Основное отличие стратегического нарратива от дискурса заключается в том, что у первого есть стратегическая цель. Иными словами, он ориентирован на то, чтобы повлиять на ожидания и поведение других акторов. Согласно классификации нарративов, предложенной Мискиммон, О'Лоулин и Розелле, существует три типа нарративов. Первый – нарратив международной системы, который делит государства мира на блоки, отводит им определенные роли и описывает отношений между ними; классический пример – нарратив холодной войны. Второй – narra-

тив идентичности, который объясняет роль отдельных акторов, их репутацию, позицию в системе и надежность. Третий – проблемный нарратив, он посвящен отдельным вопросам международных отношений, международному праву и нормам [Miskimmon, O’Loughlin, Roselle, 2013, p. 10–11].

Мискиммон, О’Лоулин и Розелле обозначили этапы в развитии стратегических нарративов: создание, проецирование, восприятие и обратная связь [Ibid, p. 11]. При рассмотрении первого этапа ученые обращают внимание на то, какую роль в создании нарративов играют разные акторы: правящие элиты, средства массовой информации и эпистемологические сообщества [Zhang, Orbie, 2019]. Что касается распространения, то здесь в фокус исследования попадает инфраструктура, задействованная для проецирования нарративов. Так, борьба за дискурсивную гегемонию предполагает не только использование существующей инфраструктуры, но и попытки установить над ней контроль или создать новую. Наконец, важным направлением в научной дискуссии является вопрос восприятия стратегических нарративов аудиторией. Нарратив считается эффективным, если под его воздействием аудитория меняет свое поведение, например, вносит изменения в политический курс (policy) [van Noort, Colley 2020]. Однако отделить влияние нарративов от воздействия других факторов часто может быть проблематично.

Ученые выделяют следующие факторы, которые способствуют эффективности стратегического нарратива. Во-первых, к ним относят последовательность (coherence). Во-вторых, считается, что стратегический нарратив должен апеллировать как к «рациональным» материальным интересам аудитории, так и отражать мифы, лежащие в основе коллективной идентичности [van Noort, Colley, 2020]. Например, Сюй Цзиньмин и Цао Дэцзюнь пишут, что при создании собственных стратегических нарративов о территориальном споре в Южно-Китайском море все конфликтующие стороны, включая КНР, опираются на историческую память [Xu, Cao, 2022]. Нередко стратегические нарративы одних стран оспариваются другими, чтобы повлиять на поведение тех или иных стран в краткосрочной перспективе или фундаментально изменить какой-то устоявшийся нарратив [Miskimmon, O’Loughlin, Roselle, 2013, p. 251–252].

Системные нарративы: кейс КНР

Системный нарратив КНР, по мнению Эдварда Яна, обосновывает необходимость построения «сообщества единой судьбы/будущего», идею которого в 2013 г. предложил Си Цзиньпин [Yang, 2020]. В рамках этого нарратива существующая международная система представляется несправедливой, так как одни акторы могут безнаказанно нарушать установленные правила [Lams et al., 2022] и эксплуатировать других участников международных отношений. Обращаясь к истории, КНР осуждает прошлые колониальные практики западных держав и намекает на продолжение эксплуатации, с которой необходимо бороться. С одной стороны, китайский системный нарратив призывает перейти к новой системе международных отношений, где все акторы будут иметь возможность участвовать в разработке правил и, соответственно, пользоваться плодами этих решений. С другой стороны, роль Китая в системе особенная, так как именно он способствует построению сообщества и демонстрирует на своем примере, какую пользу это принесет остальным участникам.

Чжан Фэн отмечает, что в основе китайского системного нарратива лежит идея, согласно которой именно великие державы оказывают влияние на характер всей международной системы. При этом Китай не просто великая держава, а «китайская великая

держава» (Chinese great power). Разница с великими державами прошлого заключается в том, что они достигли этого статуса, опираясь на концепцию «игры с нулевой суммой». И поскольку Китай – великая держава иного типа, следовательно, система, выстроенная под его влиянием, тоже будет другой. Например, характерной чертой Китая, которая окажет влияние на всю систему, Чжан Фэн называет «благожелательный пацифизм». На базе этой идеи была разработана, например, концепция «мирного возвышения (развития)». Также в рамках системного нарратива говорится о необходимости гармоничной инклюзивности, что созвучно идее многополярного мира [Zhang, 2011].

Шейн Фейрли, изучавший китайский системный нарратив по материалам ИА «Синьхуа» в течение десяти лет (2008–2018 гг.), пришел к схожему выводу о том, как Китай видит международную систему и свою роль в ней. Он считает, что основным системный нарратив (автор использует термин «история») можно сформулировать так: «Без Китая не может быть глобального процветания». Кроме того, Фейрли выделил три менее крупных нарратива в рамках общего: именно Китай способен обеспечить более справедливый мир; Китай – взаимовыгодный партнер; Китай – мирная нация [Fairlie, 2020, p. 230].

Китайские нарративы идентичности

Нарратив идентичности важен для актора международных отношений, так как задает определенное «поле возможностей» для его поведения, влияет на ожидания других акторов. Ляо Нин полагает, что важным элементом нарратива идентичности современного Китая являются идеи националистического характера, в первую очередь идея «виктимизации» Китая и исторической роли КПК, благодаря которой страна добилась успеха после «века унижения». По мнению Ляо, продвижение таких идей, с одной стороны, полезно для консолидации общества и сохранения режима, с другой, часто мешает проведению прагматичной внешней политики [Liao, 2017, p. 129]. Кроме того, «нарратив жертвы» косвенно противоречит нарративу о мирном возвышении, так как роль жертвы всегда предполагает противопоставление себя «другому» (агрессору) и имплицитно указывает на необходимость возмездия, что плохо сочетается с идеей мира и гармоничного сосуществования.

Лутгард Ламз также отмечает сильное влияние национализма на китайский нарратив идентичности и указывает на две истории, которые продвигаются в рамках нарратива [Lams, 2018]. С одной стороны, нарратив повествует о моральном превосходстве КНР над западными странами [Lams et al., 2022], которые нарушают международные нормы, стремясь установить свою гегемонию. Через этот нарратив продвигаются идеи «западного империалистического сдерживания» китайского развития и антиамериканизм. С другой стороны, в нарративе присутствует идея национального единения (китайская мечта, национальное возрождение), призванная сплотить китайский народ на основе общих культурных ценностей. По мнению Ламза, нарратив идентичности Китая характеризуется дуальностью, так как КНР хочет, чтобы ее воспринимали как глобального игрока и источник конструктивных инициатив глобального сотрудничества, но в то же время и как актора, бросающего вызов международной системе, созданной Западом, в частности США [Lams, 2018].

Дуальность проявляется и в том, что Китай позиционирует себя как мирное государство, но одновременно подчеркивает, что будет защищать свой суверенитет и безопасность всеми доступными способами. Наконец, то, что Китай, вторая экономика мира, все еще позиционирует себя как развивающееся государство, тоже можно рас-

сма­три­вать как дуаль­ность иден­тич­ности. Одна­ко важно отме­тить, что для кита­йцев понятие «раз­ви­ва­ю­щее­ся госу­дар­ство» в боль­шей степе­ни отно­сится к исто­ри­че­ской, поли­ти­че­ской и куль­тур­ной спе­ци­фике стра­ны, неже­ли к уров­ню ее эконо­ми­че­ского раз­ви­тия [Luo, 2018].

Интересно исследование Табиты Розендаль. Она показывает, как китайские нарративы идентичности подстраиваются под аудиторию. Исследовательница рассматривает кейс китайских стратегических нарративов в Шри-Ланке, важной темой которых является буддизм. На уровне идентичности Китай позиционирует себя как часть буддийского мира, отмечая, что у Китая и Шри-Ланки общее «буддийское прошлое» и общая «буддийская судьба». Буддизм в данном случае используется как способ противопоставить Китай и его «буддийских партнеров» Западу, который далек от ценностей глобального Юга [Rosendal, 2022].

Проблемные нарративы КНР

Эдвард Ян изучает стратегические нарративы КНР в трех сферах глобального управления: борьба с изменением климата, защита прав человека и управление интернетом. В первом случае (изменения климата) Китай поддерживает существующие нормы и не пытается поменять нарратив, скорее, пересказывает его с использованием своей терминологии. Во второй сфере (права человека) у Китая есть противоречия с существующими нормами, он пытается создать свой нарратив и продвинуть идеи партикуляризма. В третьей сфере (управление интернетом) нормы только формируются, поэтому у Китая есть возможность повлиять на то, какие нормы будут в итоге закреплены. Ян отмечает, что на данный момент Китаю удается противодействовать достижению консенсуса о «свободном и открытом интернете» и продвинуть концепцию «суверенного интернета» [Yang, 2020].

Паскаль Абб изучил проблемный нарратив, который сопровождает участие КНР в миротворчестве. Современный нарратив Китая о миротворчестве (по периодизации Абба с 2003 г.) можно охарактеризовать как «мир, основанный на развитии» (“developmental peace”). В противовес западному подходу либерального государственного строительства как средства прекращения и предотвращения конфликтов, китайский нарратив предполагает, что социально-экономическое развитие является более эффективным средством для предотвращения конфликтов [Abb, 2021]. При формулировании нарратива КНР обращается к собственной недавней истории, указывает на стабильность и успехи в социально-экономическом развитии КНР с начала политики реформ и открытости, которым не предшествовали демократические преобразования. Интересно, что нарратив про взаимосвязь мира и развития соотносится с нарративом, который продвигает Китай в сфере прав человека, а именно идеей о том, что «базовым правом человека», которое является предпосылкой для реализации всех остальных прав, является «право на мир».

Значительный пул исследований посвящен нарративам, которые сопровождают китайскую инициативу «Пояс и путь». Рэй Сильвиус выделяет две идеи в этих нарративах, которые по своей сути амбивалентны. Согласно первой, только Китай обладает уникальными свойствами для того, чтобы стать лидером в рамках инициативы «Пояс и путь». Только у него есть необходимые средства и политическая воля для реализации проекта, а его подход, основанный на взаимной выгоде и уважении к разным акторам, позволяет всем принимать участие в инициативе на выгодных условиях. Согласно второй идее, «Пояс и путь» создан не Китаем единолично, не служит исключительно

китайским интересам, а принадлежит всем присоединившимся странам [Silvius, 2021]. Таким образом, в этом проблемном нарративе можно увидеть отсылки к системному нарративу Китая, который продвигает идею взаимовыгодного сотрудничества под эгидой КНР и многополярность.

Серия работ Каролин ван Ноорт посвящена образу Великого Шелкового пути в китайских стратегических нарративах. Например, исследовательница изучает, как Китай переписывают историю Шелкового пути, чтобы создать привлекательный контекст для современной инициативы «Пояс и путь». По ее мнению, задача Пекина состоит в том, чтобы усилия Китая по распространению своего влияния в Евразии ассоциировались у зарубежной аудитории со стремлением создать процветающий регион, как описано в заметках Марко Поло, нежели с попыткой включиться в «большую игру» в Евразии, о которой рассказывается в романе Редьярда Киплинга «Ким» [van Noort, 2020b]. В другом исследовании ван Ноорт обращается к изучению визуального сопровождения инициативы «Пояс и путь» на примере интернет-портала, посвященного инициативе. Исследовательница обращает внимание на то, как вербальные нарративы сопровождаются визуальным контентом. Например, караван верблюдов, идущих по пустыне, служит символом взаимосвязанности, а фотографии бизнесменов различных национальностей, участвующих в проектах, подчеркивают взаимовыгодность и инклюзивность [van Noort, 2020a].

Обобщив содержание разных стратегических нарративов КНР, можно сделать выводы о целях, которые за ними стоят. Во-первых, Китай стремится добиться признания китайской политической модели как успешной и легитимной. Это важно не только для обеспечения поддержки КПК среди национальной аудитории, но и для стимулирования сотрудничества с другими странами. Во-вторых, стратегически необходимым является принятие другими странами того факта, что рост Китая не несет угрозы и выгоден для многих других участников международных отношений, а попытки противостоять китайскому лидерству тормозят развитие не только Китая, но и всего мира, в частности развивающихся стран. Для КНР важно обеспечить благоприятную международную обстановку и поддержку своих зарубежных экономических проектов, чтобы стимулировать дальнейший рост. Наконец, Пекин ищет последователей, которые поддержат его стремление изменить некоторые несправедливые (дискриминационные) или неудобные элементы мирового порядка (гегемония США, режим прав человека и др.), внедрить альтернативные идеи и подходы.

Создание, распространение и восприятие китайских стратегических нарративов

Аналізу процессов создания, распространения и влияния нарративов на аудиторию уделяется значительно меньше внимания, чем изучению их содержания. Тем не менее, обобщив существующие исследования, можно сделать ряд предварительных выводов.

В создании китайских стратегических нарративов принимают участие разные акторы: правящие элиты, средства массовой информации и научное сообщество. В Китае, в отличие от многих других стран, не существует оппозиционных стратегических нарративов, а наиболее популярные СМИ подконтрольны правящей элите. Несмотря на это, вывод о том, что разработка стратегического нарратива в КНР проходит слаженно, а нарративы отличаются четкостью и однозначностью трактовок, будет не совсем верным. Во-первых, на примере дискурса об инициативе «Пояс и путь» Цзэн Цзинхань демонстрирует, что децентрализация власти в КНР влияет и на дискурс: правительства

провинций принимают участие в разработке стратегических нарративов и предлагают идеи, отчасти не совпадающие с тем, что говорит центральное правительство [Zeng, 2019]. Во-вторых, для понимания процесса создания нарративов важен концепт “empty signifiers” (пустых символов), то есть понятий, которые вводят в оборот официальные лица КНР, однако их наполнение появляется позже, и смысл меняется с течением времени в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации [Noesselt, Eckstein, Priupolina, 2021]. В-третьих, при освещении относительно новых тем международной повестки и в отсутствие четких инструкций от КПК возможна некоторая вариативность в трактовке одних и тех же событий в СМИ КНР, что может влиять на формирование нарративов.

Что касается инфраструктуры распространения китайских стратегических нарративов, то она сильно отличается в зависимости от целевой аудитории. Каналы, используемые при продвижении стратегических нарративов для национальной аудитории (СМИ, социальные медиа, НКО и др.), находятся под контролем КПК, что сильно упрощает процесс трансляции необходимых идей китайской общественности [Журавлева, 2022]. Возможности распространения альтернативных дискурсов в КНР невелики. Некоторые исследователи отмечают, что из-за коммерциализации китайские СМИ не только служат интересам КПК, но и вынуждены принимать во внимание и подстраиваться под общественное мнение [Wang, Wang, 2014]. Кроме того, социальные медиа также предоставляют возможность для выражения альтернативных мнений по некоторым вопросам международной повестки.

Инфраструктура для распространения нарративов среди иностранной аудитории расположена на территории других государств, поэтому ее функционирование зависит от их норм и зачастую осуществляется по абсолютно другим правилам. Так, в западных странах недавно были закрыты десятки Институтов Конфуция, которые являются ключевыми инструментами публичной дипломатии КНР и не только популяризируют китайскую традиционную культуру, но и служат каналами распространения стратегических нарративов о Китае и его месте в мире [Hartig, 2015]. Социальные медиа, а также сайты видеохостинга (Youtube) и другие интернет-порталы, которые также активно используются для распространения китайских стратегических нарративов среди иностранной аудитории [Hagström, Gustafsson, 2021], принадлежат иностранным компаниям и в самом Китае заблокированы, так как эти компании отказываются соблюдать требования КПК по цензурированию контента.

Наконец, Китай распространяет свое видение мировой системы и ее отдельных элементов среди политической элиты других стран через глобальные институты и различные региональные организации. Китайское правительство не просто использует эти организации для публичной аргументации своей позиции, но стремится контролировать саму инфраструктуру, продвигая граждан КНР на руководящие позиции [Zhao, 2021, p. 44]. Среди международных площадок можно выделить организации, в которых Китай изначально играет ключевую роль и имеет больше возможностей для распространения своих стратегических нарративов по сравнению с конкурентами, например, Боаоский форум.

Китайские стратегические нарративы вызывают разную реакцию у аудитории. Например, китайский исследователь Цао Дэцзюнь приходит к выводу, что американо-китайская торговая война и пандемия коронавирусной инфекции усилили соперничество между китайскими и американскими стратегическими нарративами [Сао, 2021]. Сотрудничество в рамках китайской инициативы «Пояс и путь», которое Китай представляет как взаимовыгодное, часто описывается другими акторами как «игра с нулевой суммой» [Zeng, 2019]. Каролин ван Ноорт и Томас Колли отмечают, что некоторые

китайские идеи находят больший отклик у аудитории, чем другие. Так, страны, присоединившиеся к инициативе «Пояс и путь», перенимают китайские нарративы о важности взаимосвязанности (connectivity), торговле и процветании, но ставят под сомнение бескорыстность китайских проектов, указывая на нарушения прав человека, долговую ловушку и напористую внешнюю политику [van Noort, Cooley, 2020].

Заключение

В период председательства Си Цзиньпина КНР активно включается в борьбу за дискурс. Концепция стратегических нарративов, к которой мы обращаемся в данном исследовании, предлагает систематический подход к анализу дискурсивной силы КНР и представляет инструментарий для изучения не только содержания дискурса, его ключевых элементов, типов и связи со стратегическими целями, но и процессов его создания, распространения и восприятия.

Анализ трех видов нарративов КНР (системные, идентичности и проблемные) позволяет сделать ряд обобщений. Историческая память о «столетии унижений» используется Пекином не только для обоснования национального единения перед враждебными внешними силами, но и для создания системного нарратива и оказания влияния на иностранную аудиторию. Китай, обращаясь к развивающимся странам, осуждает прошлые колониальные практики западных держав и намекает на продолжение эксплуатации, с которой необходимо бороться. Призывы к изменению существующей системы сформулированы в рамках концепции «сообщества единой судьбы». Во-первых, Китай продвигает идею о том, что только держава «нового типа» может создать более справедливый мировой порядок. Такой державой является Китай, так как великие державы прошлого удовлетворены существующим положением дел и воспроизводят действующий порядок с помощью таких нарративов, как, например, нарратив холодной войны, подразумевающий наличие угрозы свободному миру, или нарратив «игры с нулевой суммой», используемый для объяснения противостояния возвышающимся державам. Во-вторых, ключевыми чертами новой справедливой международной системы будут взаимовыгодность и совместное процветание. Следует отметить, что китайский стратегический нарратив, несмотря на предложение изменить некоторые элементы системы, не предлагает пересмотреть ее коренными образом. Речь все равно идет о делении мира на «великие державы» и все остальные.

Нарратив идентичности во многом созвучен нарративу системы. Здесь тоже часто фигурирует идея «китайской великой державы» как особенной великой державы, отличной от прошлых. Например, важной чертой КНР называют моральное превосходство и приверженность соблюдению правил. При этом исследователи отмечают дуальность нарративов идентичности КНР. С одной стороны, Китай позиционирует себя как страна, которая пережила «век унижений» и теперь борется с несправедливой международной системой. С другой стороны, Пекин пытается создать образ конструктивного игрока, который будет способствовать миру и развитию через создание глобальных инициатив. Такая дуальность (жертва vs лидер) и, следовательно, противоречивость нарративов идентичности КНР связана с комплексностью ее стратегических целей: Пекин стремится изменить лишь некоторые принципы функционирования международной системы при сохранении других. Например, более справедливая международная система не предполагает отказа Китая от постоянного членства в Совете Безопасности ООН или расширения состава его постоянных членов. Дуальность идентичностей в краткосрочной перспективе позволяет Китаю достигать различных

стратегических целей, так как нарратив жертвы и нарратив лидера предоставляют два принципиально разных «поля возможностей». В долгосрочной перспективе непоследовательное поведение может создать дефицит доверия в отношениях с другими акторами международных отношений и негативно сказаться на имидже КНР и эффективности его стратегических нарративов.

Обобщив проблемные нарративы КНР, можно выделить основные идеи, которые их объединяют: партикуляризм и возможность акторов международных отношений «выбирать» подходящие для себя международные нормы. Кроме того, во всех проблемных нарративах Китая делается упор на развитии и ключевой роли инфраструктуры (особенно транспортной) как залога процветания и стабильного мира. Все эти идеи в первую очередь нацелены на развивающиеся страны, многие из которых не удовлетворены своим положением в международной системе, устали от критики и нуждаются во внешнем финансировании.

Представляется, что для западных стран китайские идеи не слишком привлекательны, там они зачастую рассматриваются как угроза либеральным нормам, хотя могут быть и исключения, например, дискурс о важности взаимосвязанности (connectivity). Кроме того, идея необходимости борьбы с несправедливостью и продолжением эксплуатации, а также обвинения в аморальности требуют от западных стран изменений и отказа от привычных и удобных правил. То есть Китай пытается сделать ставку именно на развивающиеся незападные страны и таким образом сформировать свою группу последователей. Однако исследователям еще предстоит изучить, пытается ли КНР подстроить содержание нарративов под разные аудитории, есть ли какие-то отличия в идеях, которые транслируются развитым и развивающимся странам, западным и незападным, соседям КНР по азиатскому региону и государствам, расположенным на других материках.

Для процессов создания, распространения и восприятия стратегических нарративов КНР характерна вариативность, в связи с чем пример Китая интересен и для дальнейшего теоретического осмысления феномена стратегических нарративов, так как предлагает богатый эмпирический материал и возможности протестировать различные гипотезы. Даже создание нарративов в КНР не является централизованным процессом, в нем принимают участие разные акторы с разными интересами. Механизмы распространения китайских стратегических нарративов значительно варьируются в зависимости от адресата, и речь не только о разнице в работе с национальной и иностранной аудиторией или элитами и простыми гражданами. Несмотря на глобализацию, медиасферы и особенности их регулирования в разных странах мира отличаются, что оказывает влияние на возможности распространения китайского нарратива. Схожий вывод можно сделать и об эффективности нарративов. Существующие разработки показывают, что некоторые страны охотнее перенимают китайские стратегические нарративы, при этом одни китайские концепты более популярны, чем другие. Однако стоит отметить, что исследований реакции аудитории на китайские нарративы значительно меньше, чем работ, анализирующих их содержание. Это говорит об определенном пробеле в литературе.

Список источников

Алексеевкова Е.С. (2020) Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 5. С. 62–72. doi:10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72

Богданов С.В. (2019) Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС // Вестник международных организаций. Т. 14. № 2. С. 173–190 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2019-02-07.

Грачиков Е.Н., Сюй Х. (2022) КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. Т. 17. № 1. С. 7–24 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-01

Денисов И.Е. (2020) Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. Т. 11. № 4. С. 42–52. doi:10.24411/2221-3279-2020-10047

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. (2022) От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. М.: МГИМО-Университет.

Журавлева Е.В. (2022) Китайский опыт продвижения норм и ценностей путем регулирования социальных медиа // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 97–110.

Макарычева А.В., Силаев Н.Ю., Данилин И.В., Чеков А.Д., Шавлай Э.П., Столярова С.А. (2019) «Безбилетники» либерального порядка: повестка международного развития и символические политики восходящих держав // Вестник МГИМО. Т. 12. № 6. С. 109–128. doi:10.24833/2071-8160-2019-6-69-109-128

Abb P. (2021) From ‘Peaceful Rise’ to Peacebuilder? How Evolving Chinese Discourses and Self-perceptions Impact Its Growing Influence in Conflict Societies // Journal of Contemporary China. Vol. 30. No. 129. P. 402–416. doi:10.1080/10670564.2020.1827353

Cao D. (2021). Daguojingzheng zhong de zhanlue xushi – ZhongMei waijiao huayu boyi ji qi xushi juban [Strategic Narrative in Great Power Competition – The Game of Sino-US Diplomatic Discourse and Its Narrative Scenario] // World Economics and Politics. No. 5. P. 51–79, 157–158 (in Chinese).

Fairlie Sh.F. (2020) The China Story: a media narrative analysis of Beijing’s global communications (PhD Thesis), Melbourne: Monash University. <https://doi.org/10.26180/13087625.v1>

Hartig F. (2015) Communicating China to the World: Confucius Institutes and China’s Strategic Narratives // Politics. Vol. 35. No. 3–4. P. 245–258. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12093>

Ikenberry G., Kupchan C. (1990) Socialization and hegemonic power // International Organization. Vol. 44. No. 3. P. 283–315. doi:10.1017/S002081830003530X

Kinzelbach K. (2012) Will China’s Rise Lead to a New Normative Order? An Analysis of China’s Statements on Human Rights at the United Nations (2000–2010) // Netherlands Quarterly of Human Rights. Vol. 30. No. 3. P. 299–332.

Lams L. (2018) Examining Strategic Narratives in Chinese Official Discourse under Xi Jinping // Journal of Chinese Political Science. No. 23. P. 387–411. <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9529-8>

Lams L., De Smaele H., De Coninck F., Lippens C., Smeyers L. (2022) Strategic Comrades? Russian and Chinese Media Representations of NATO // Europe-Asia Studies. Vol. 74. doi:10.1080/09668136.2022.2152556

Lee P.S. (2016) The rise of China and its contest for discursive power // Global Media and China. Vol. 1. No. 1–2. P. 102–120. <https://doi.org/10.1177/2059436416650549>

Liao N. (2018) The Power of Strategic Narratives: The Communicative Dynamics of Chinese Nationalism and Foreign Relations. Forging the World: Strategic Narratives and International Relations / A. Miskimmon, B. O’Loughlin, L. Roselle (eds). Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press. P. 110–133.

Linus H., Gustafsson K. (2021) The limitations of strategic narratives: The Sino-American struggle over the meaning of COVID-19 // Contemporary Security Policy. Vol. 42. No. 4. P. 415–449. doi:10.1080/13523260.2021.1984725

Luo J. (2018) Zhongguo yu fazhanzhong guojia guansi weishenme hen zhongyao [Why Relations Between China and Developing Countries are so Important?] // China Investments. No. 10. P. 30–32 (in Chinese).

- Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. (2013) *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order* (1st ed.). N.Y.: Routledge.
- Noesselt N., Eckstein T., Priupolina E. (2021) *Decrypting China's self-image as "great power"*. University of Duisburg-Essen, Institute of East Asian Studies (IN-EAST), Duisburg. Working Papers on East Asian Studies No. 130/2021. Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/235557/1/1761607812.pdf> (дата обращения: 13.03.2023).
- Qiushi (02.06.2021) *Xi Jinping: Jiang hao Zhongguo gushi, chuanbo hao Zhongguo shengyin* [Xi Jinping: Tell the story of China well and spread the voice of China well] (in Chinese). Режим доступа: http://www.qs-theory.cn/zhuanqu/2021-06/02/c_1127522386.htm (дата обращения: 13.03.2023).
- Risse T. (2011) *Ideas, Discourse, Power and the End of the Cold War: 20 years on* // *International Politics*. No. 48. P. 591–606. <https://doi.org/10.1057/ip.2011.20>
- Roberts G. (2006) *History, Theory and the Narrative Turn in IR* // *Review of International Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 703–714.
- Rosendal T. (2022) *China's Buddhist strategic narratives in Sri Lanka – benefits and Buddhism?* // *The Pacific Review*. P. 1–30. doi:10.1080/09512748.2022.2120063
- Silvius R. (2021) *China's Belt and Road Initiative as Nascent World Order Structure and Concept? Between Sino-Centering and Sino-Deflecting* // *Journal of Contemporary China*. Vol. 30. No. 128. P. 314–329. doi:10.1080/10670564.2020.1790905
- van Noort C. (2020a) *Strategic narratives, visibility and infrastructure in the digital age: the case of China's Maritime Silk Road Initiative* // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 33. No. 5. P. 734–751. doi:10.1080/09557571.2020.1741513
- van Noort C. (2020b) *Strategic Narratives of the Past: An Analysis of China's New Silk Road Communication* // *Global Society*. Vol. 34. No 2. P. 186–205. doi:10.1080/13600826.2019.1674251
- van Noort C., Colley T. (2020) *How do strategic narratives shape policy adoption? Responses to China's Belt and Road Initiative* // *Review of International Studies*. Vol. 47. No. 1. P. 39–63. doi:10.1017/S0260210520000388
- Wang J., Wang X. (2014) *Media and Chinese Foreign Policy* // *Journal of Contemporary China*. Vol. 23. No. 86. P. 216–235.
- Xu J., Cao D. (2022) *Guoji guanxi zhong de zhanlue xushi ji qi yingxiang jizhi tanxi* [Analysis of Strategic Narratives in International Relations and Their Influence Mechanisms] // *Pacific Journal*. No. 8. P. 26–34 (in Chinese).
- Yang Y.E. (2020) *China's Strategic Narratives in Global Governance Reform under Xi Jinping* // *Journal of Contemporary China*. Vol. 30. No. 128. P. 299–313. doi:10.1080/10670564.2020.1790904
- Zeng J. (2019) *Narrating China's belt and road initiative* // *Global Policy*. Vol. 10. P. 207–216. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12662>
- Zhang F. (2011) *The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations* // *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 305–328. <https://doi.org/10.1177/1354066111421038>
- Zhang Y., Orbie J. (2019) *Strategic narratives in China's climate policy: Analysing three phases in China's discourse coalition* // *The Pacific Review*. Vol. 34. No. 1. P. 1–28. doi:10.1080/09512748.2019.1637366
- Zhao K. (2016) *China's Rise and Its Discursive Power Strategy* // *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0027-x>
- Zhao S. (2021) *China's Big Power Ambition Under Xi Jinping: Narratives and Driving Forces*. N.Y.: Routledge.

STRATEGIC NARRATIVES AND NEW REALITY

International Organisations Research Journal, 2023, vol. 18, no 2, pp. 178–192

Original Article

doi:10.17323/1996-7845-2023-02-09

Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony¹

S. Krivokhizh, E. Soboleva

Svetlana Krivokhizh – PhD in History, Associate Professor, Department for Chinese, South and Southeast Asian Studies, HSE University (Saint Petersburg); 123 Naberezhnaya Kanala Griboyedova, St. Petersburg, 190068, Russia; skrivokhizh@hse.ru

Elena Soboleva – PhD in Political Science, Associate Professor, Department for Chinese, South and Southeast Asian Studies, HSE University (Saint Petersburg); 123 Naberezhnaya Kanala Griboyedova, St. Petersburg, 190068, Russia; edsoboleva@hse.ru

Abstract

Power in international relations implies not only the possession of outstanding material resources, but also the ability to propose and popularize attractive ideas, values, and norms and thus control discourse. Scholars note that during the presidency of Xi Jinping, the People's Republic of China (PRC) has joined the struggle for discursive hegemony. This change in China's foreign policy requires systematic study, for which the concept of a strategic narrative has analytical value. As defined by A. Miskimmon, B. O'Loughlin and L. Roselle, strategic narratives "are a means for political actors to construct a shared meaning of the past, present, and future of international politics to shape the behavior of domestic and international actors."

This article provides an overview of strategic narratives as a conceptual lens to study international relations, summarizes the existing research of strategic narratives in general and regarding the Chinese case in particular, and suggests directions for future studies. The core idea of Chinese strategic narratives is that the PRC is a new type of great power that is capable of changing the existing unjust and conflict-prone world order. At the same time, China does not propose to radically revise the international system – it portrays the world as divided into great powers and the rest. Overall, China's strategic narratives are characterized by a duality that reflects the complexity of China's foreign policy interests and its attempt to expand the field of opportunity. Aimed to support different agendas, narratives include references both to the "century of humiliation" and the more recent successful experience of China's modernization. The content of the narratives suggests that China is mainly trying to attract the developing countries of the Global South and thus form its own group of followers. However, there is significant variation in communication processes, namely the formation, projection, and reception of China's strategic narratives. The study of this variation, as well as the analysis of the effectiveness of Chinese narratives, is a promising direction for future research.

Keywords: strategic narratives, discursive power, discursive hegemony, China's foreign policy, Belt and Road, discourse

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant no 23-28-00994, <https://rscf.ru/project/23-28-00994/>.

For citation: Krivokhizh S., Soboleva E. (2023) Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 2, pp. 178–192 (in English) doi:10.17323/1996-7845-2023-02-09

---

¹ This article was submitted 20.03.2023.

References

- Abb P. (2021) From ‘Peaceful Rise’ to Peacebuilder? How Evolving Chinese Discourses and Self-perceptions Impact Its Growing Influence in Conflict Societies. *Journal of Contemporary China*, vol. 30, no 129, pp. 402–416. doi: 10.1080/10670564.2020.1827353
- Alekseenkova E.S. (2020) Diskursivnaja sila KNR protiv normativnoj sily ES: kazus Italii [PRC Discursive Power vs. EU Normative Power: The Casus of Italy]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 5, pp. 62–72 (In Russian). doi:10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72
- Bogdanov S. (2019) Issues in the Development of the BRICS’ Strategic Narrative. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 147–162 (in Russian and English). doi:10.17323/1996 784520190207
- Cao D. (2021). Daguojingzheng zhong de zhanlue xushi – ZhongMei wajiaohuayu boyi jiqi xushi juben [Strategic Narrative in Great Power Competition – The Game of Sino-US Diplomatic Discourse and Its Narrative Scenario]. *World Economics and Politics*, no 5, pp. 51–79, 157–158 (in Chinese).
- Denisov I.E. (2020) Konceptcija “diskursivnoj sily” i transformacija kitajskoj vneshnej politiki pri Si Czin’pine [The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping]. *Comparative Politics Russia*, vol. 11, no 4, pp. 42–52 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>
- Denisov I.E., Zuenko I.Ju. (2022) *Ot mjagkoj sily k diskursivnoj sile: novye ideologemy vneshnej politiki KNR* [From soft power to discursive power: new ideologemes of China’s foreign policy]. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Institute of International Studies. Moscow: MGIMO-Universitet (in Russian).
- Fairlie Sh.F. (2020) *The China Story: a media narrative analysis of Beijing’s global communications* (PhD Thesis), Melbourne: Monash University. <https://doi.org/10.26180/13087625.v1>
- Grachikov E., Xu H. (2022) China and the International System: The Formation of a Chinese Model of World Order. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 7–24 (in Russian and English). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-01
- Hartig F. (2015) Communicating China to the World: Confucius Institutes and China’s Strategic Narratives. *Politics*, vol. 35, no 3–4, pp. 245–258. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12093>
- Ikenberry G., Kupchan C. (1990) Socialization and hegemonic power. *International Organization*, vol. 44, no 3, pp. 283–315. doi:10.1017/S002081830003530X
- Kinzelbach K. (2012) Will China’s Rise Lead to a New Normative Order? An Analysis of China’s Statements on Human Rights at the United Nations (2000–2010). *Netherlands Quarterly of Human Rights*, vol. 30, no 3, pp. 299–332.
- Lams L. (2018) Examining Strategic Narratives in Chinese Official Discourse under Xi Jinping. *Journal of Chinese Political Science*, no 23, pp. 387–411. <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9529-8>
- Lams L., De Smaele H., De Coninck F., Lippens C., Smeyers L. (2022) Strategic Comrades? Russian and Chinese Media Representations of NATO. *Europe-Asia Studies*, vol. 74. doi:10.1080/09668136.2022.2152556
- Lee P. S. (2016) The rise of China and its contest for discursive power. *Global Media and China*, vol. 1, no 1–2, pp. 102–120. <https://doi.org/10.1177/2059436416650549>
- Liao N. (2018) The Power of Strategic Narratives: The Communicative Dynamics of Chinese Nationalism and Foreign Relations. *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations* (A. Miskimmon, B. O’Loughlin, L. Roselle (eds)). Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, pp. 110–133.
- Linus H., Gustafsson K. (2021) The limitations of strategic narratives: The Sino-American struggle over the meaning of COVID-19. *Contemporary Security Policy*, vol. 42, no 4, pp. 415–449. doi:10.1080/13523260.2021.1984725
- Luo J. (2018). Zhongguo yu fazhanzhong guojia guansi weishenme hen zhongyao [Why Relations Between China and Developing Countries are so Important?]. *China Investments*, no 10, 30–32 (in Chinese).
- Makarycheva A.V., Silaev N.Yu., Danilin I.V., Chekov A.D., Shavlay E.P., Stolyarova S.A. (2019) “Bezbiiletniki liberal’nogo porjadka: povestka mezhdunarodnogo razvitija i simvolicheskie politiki voshodjashhih derzhav

- [Liberal Order “Free Riders”: International Development Agenda and the Symbolic Policies of the Rising Powers]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 12, no 6, pp. 109–128 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-109-128>
- Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L. (2013) *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order* (1st ed.), New York: Routledge.
- Noesselt N., Eckstein T., Priupolina E. (2021) Decrypting China’s self-image as “great power” Working Papers on East Asian Studies No. 130/2021. University of Duisburg-Essen, Institute of East Asian Studies (IN-EAST), Duisburg. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/235557/1/1761607812.pdf> (accessed 13.03.2023).
- Qiushi (02.06.2021) *Xi Jinping: Jiang hao Zhongguo gushi, chuanbo hao Zhongguo shengyin* [Xi Jinping: Tell the story of China well and spread the voice of China well] (in Chinese). URL: http://www.qstheory.cn/zhuanku/2021-06/02/c_1127522386.htm (accessed 13 March 2023).
- Risse T. (2011) Ideas, Discourse, Power and the End of the Cold War: 20 years on. *International Politics*, no 48, pp. 591–606. <https://doi.org/10.1057/ip.2011.20>
- Roberts G. (2006) History, Theory and the Narrative Turn in IR. *Review of International Studies*, vol. 32, no 4, pp. 703–714.
- Rosendal T. (2022) China’s Buddhist strategic narratives in Sri Lanka – benefits and Buddhism? *The Pacific Review*, pp. 1–30. doi: 10.1080/09512748.2022.2120063
- Silvius R. (2021) China’s Belt and Road Initiative as Nascent World Order Structure and Concept? Between Sino-Centering and Sino-Deflecting. *Journal of Contemporary China*, vol. 30 no 128, pp. 314–329. doi: 10.1080/10670564.2020.1790905
- van Noort C. (2020a) Strategic narratives, visibility and infrastructure in the digital age: the case of China’s Maritime Silk Road Initiative. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 33, no 5, pp. 734–751. doi:10.1080/09557571.2020.1741513
- van Noort C. (2020b) Strategic Narratives of the Past: An Analysis of China’s New Silk Road Communication. *Global Society*, vol. 34, no 2, pp. 186–205, doi: 10.1080/13600826.2019.1674251
- van Noort C., Colley T. (2020) How do strategic narratives shape policy adoption? Responses to China’s Belt and Road Initiative. *Review of International Studies*, vol. 47, no 1, pp. 39–63. doi:10.1017/S0260210520000388
- Wang J., Wang X. (2014) Media and Chinese Foreign Policy. *Journal of Contemporary China*, vol. 23, no 86, pp. 216–235.
- Xu J., Cao D. (2022) Guoji guanxi zhong de zhanlue xushi ji qi yingxiang jizhi tanxi [Analysis of Strategic Narratives in International Relations and Their Influence Mechanisms]. *Pacific Journal*, no 8, pp. 26–34 (in Chinese).
- Yang Y.E. (2020) China’s Strategic Narratives in Global Governance Reform under Xi Jinping. *Journal of Contemporary China*, vol. 30, no 128, pp. 299–313. doi:10.1080/10670564.2020.1790904
- Zeng J. (2019) Narrating China’s belt and road initiative. *Glob Policy*, vol. 10, pp. 207–216. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12662>
- Zhang F. (2011) The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations. *European Journal of International Relations*, vol.19, no 2, pp. 305–328. <https://doi.org/10.1177/1354066111421038>
- Zhang Y., Orbie J. (2019) Strategic narratives in China’s climate policy: Analysing three phases in China’s discourse coalition. *The Pacific Review*, vol. 34, no 1, pp. 1–28. doi:10.1080/09512748.2019.1637366
- Zhao K. (2016) China’s Rise and Its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0027-x>
- Zhao S. (2021) *China’s Big Power Ambition Under Xi Jinping: Narratives and Driving Forces*. New York: Routledge.
- Zhuravleva E.V. (2022) Kitajskij opyt prodvizhenija norm i cennostej putem regulirovanija social’nyh media [The Promotion of Norms and Values through Social Media Regulation: The Experience of China]. *Far Eastern Affairs*, no 2, pp. 97–100 (in Russian). doi:10.31857/S013128120019294-4